

Все Советы Зонта и

плачущие слёзы ангела

Е
В
З
Е
Н
И
И

К
О
З
Л
О
В

12+

ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВ

**Совет Зонтов и
плачущие слезы ангела**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Козлов Е. А.

Совет Зонтов и плачущие слезы ангела / Е. А. Козлов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

История повествует о небольшой деревушке, на которую однажды обрушился непрекращающийся жестокий дождь, о том, как взрослые жители, приспособившись к этому новому образу жизни, выстроили целый город над глубоким морем, но утратили способность радоваться и улыбаться. В Городе Дождя суждено было родиться непоседливому веселому мальчику Эвану, который, идейно сплотив своих не менее радушных друзей, ради спасения города организовал Совет Зонтов, о приключениях которого будет поведано в одной повести.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая: Когда кончится этот дождь? Где мои белые тыквы? Сколько нужно пинков одному назойливому клоуну?... и другие не менее важные вопросы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Предисловие

Тайна моего рождения безмолвно покоится на беспросветной глубине вод забвения и пыли, где навеки погребена в промерзлых туннелях затонувшей библиотеки моя бесславная судьба, ибо я единственный зритель той слезной трагедии, он же и в ней непосредственный участник.

Известно мудрецам, что вода способна запоминать, помнить чужие обещания и клятвы, данные любовно, скрепленные вечностью вод. И по сей день неустанно хранимо ею сей приснопамятное служение, она созидает обо мне нерукотворный памятник, воспевая славу оскудевающими приливными и отступающими волнами. Ведь в нашем укромном уголке неизвестной, никем неоткрытой земле, у опечаленных людей неприято разглашать злополучные сведения о столь ужасном происшествии, произошедшем так неожиданно, столь негаданно скоро. Настолько опрометчивым стало сие событие, отчего жители нашего городка, позабыв весомые влажные беды свои, валящиеся на их оскудевшие головы, оставили разглагольствования бредовые, дабы направить своё досужливое внимание в иное маловажное русло. Оно заключалось в простом обыденном проявлении себя, своих пламенных чувств, душевной боли или сердечной любви...

И когда я родился, появился на свет, я тут же заплакал, источая живительную влагу впервые отворенными своими очами. Именно тогда все люди находящиеся на верфях, сидящие в лодках, либо мирно ужинающие в своих укромных укрепленных домах, заворчали, побросали сети для ловли рыбы, настезь отворили окна, наострили любопытствующие растревоженные уши и не без сожаления слушали рыдания одного новорожденного мальчика, затаённо внимали тем давно, казалось бы, навеки позабытым голосовым звукам. В тот гадкий непогожий день скорбь их не имела предела, речи не вязались в спутанный клубок слухов и выдумок, не просачивались в сито всевозможных домыслов, их работа лениво не двигалась с мертвой точки, совесть людей бунтовала, пророча будущие напасти. В общем, сказать по правде, день моего рождения всем запомнился надолго, тот день выдался жутко противоречивым для всех горожан города прозванным “Персифаль”, который для редких острословов до сих пор именуется – “Городом Дождя”.

Глава первая: Когда кончится этот дождь? Где мои белые тыквы? Сколько нужно пинков одному назойливому клоуну? ... и другие не менее важные вопросы

Рано утром под бой трезвонящих курантов, рьяно ленясь и лениво возмущаясь, не открывая заспанного рта, проснулся мальчик – гордо носящий знамя сей малой возрастной категории, эдакий сорванец. А впрочем, нужно ли обзывать себя как-либо или быть кем-либо, или называть других таким уменьшительно-ласкательным прозвищем, для многих обыденным обозначением? Для чего и зачем? – сразу же натывается отрок-философ на маловажные утренние вопросы, но отвечает легко, нисколько не задумываясь над ответом – незачем, когда есть имена. И как раз стоит упомянуть имя мальчика. Да будет вам известно, все его величают – Эваном, точнее звучит и пишется полным образом примерно так – Эван Слезноплачущий. Дабы не запутаться в инициалах, разберем по порядку: первое это имя, которое ему даровала вечно веселая бабушка Мария, старушка из древнего доисторического поколения; второе это фамилия является чем-то побочным и легковесным, по складу, будучи двусоставным, оно не создает никакой заинтересованности и даже малого интереса. Однако хорошенько научно приглядевшись, чуть почистив гранит прошлого, мы обнаружим достоверный факт, говорящий о том, что по поводу происхождения сей фамилии произошел когда-то некий внушительный скандал. Ведь рождение мальчика, сопровождающееся слезами, не влекло за собой ничего хорошего, это было ясно с первого дня, посему именно на этой затруднительной почве фамилию ему придумали родители, дабы отвадить от сына всевозможные дурные толки и нескрываемо злорадные насмешки. Посему дали легко выговариваемую фамилию, почти как у соседской собачки с кличкой Плакса. Но вот само лексическое строение фамилии непростое, нелегко выговаривать такую длинную фамилию, видимо потому, обращаясь к мальчику исключительно только по имени, в обыденной жизни мало о ней кто вспоминал. Эта фамилия сущая нелепица – так любили многие поговаривать. По этому поводу существует одна давнишняя легенда. Старушка Мария всегда очень любила рассказывать внуку ту басню, сложенную из разрозненных кусочков из реально произошедших комичных событий. Звучало примерно так (стоит напомнить о том, что бабушка говорила сквозь расшатанную временами неловко выпрыгивавшую вставную челюсть, потому многое оказывалось упущенным для вдумчивого восприятия). Однажды дедушка, заядлый любитель кричаще поспорить и азартно поиграть на что-то яркое и звенящее в чужих карманах, всегда готов был продать всё своё имущество, отдать всё накопленное честным трудом за несоразмерный выигрыш, что, безусловно, было дурным поведением. Впрочем, он при своём злом азарте всё-таки умудрился не продать свою бесценную душу, вовремя отвергнув все эти бесполезные игры. Но тогда, в молодецком прошлом, он, как правило, крайне пасмурными вечерами выходил из трактира совершенно голым, в одной набедренной повязке состряпанной из какой-то тряпки, нисколько не приниженно, будто юродивый гордо вышагивал по родному городу, словно не слыша чужие пересуды ропотного скряжничества. Он нескрываемо обладал непогрешимым нестяжательством, после, конечно раскаивался в проступке своём. Так вот, однажды, когда дедушкины золотые запонки чудесным образом оказались в промасленных шулерских руках удачливого соперника, дедушка решает немного пошутить из-за отчаяния его захлестнувшего, видимо поэтому предложил тому поиграть на буквы. Именно тогда он впервые в своей жизни выиграл целую настоящую неосязаемую букву, точнее букву “д”, столь остроумно позаимствованную из фамилии

старого ворчуна мистера Догра, которого отныне зовут никак иначе как – мистер Огр. Победа эта далась дедушке на удивление легко. Видимо судьба порою любит преподать несколько важных уроков джентльменства всяческим нечистым на руку негодьям, в особенности редкостным шулерам. Еще множество шуточных историй сказывала бабушка, под рокот которых вы ни за что не заснете, особенно слыша характерный свист съехавшей челюсти, надорвете животы по причине сдавленного смеха. Но о них будет поведано чуть позже, немного погодя.

Итак, впредь извольте называть мальчика просто – Эваном, хотя родители долго сопротивлялись с оным сокращением, всё же вскоре смирились с некоторыми его причудами, либо попросту привыкли к тому. И когда мальчика спросили – для чего он так необдуманно поступил, возмутительно позабыв свою фамилию, то тот ответил безукоризненно нахально, сославшись на бабушкин рассказ, что якобы сначала выиграл, затем проиграл, и впоследствии осталось лишь одно имя. На том все и успокоились.

Кстати, Эван ещё тот шутник, главный талантом которого, коим он, несомненно, обладает, является умение оправдываться, да так убедительно, что верят ему все без исключения, даже он сам порою начинает верить своим, слегка, раздутым историям. Однако возраст его вполне серьезен, полных лет ему исполнилось, не поверите, целых двенадцать, скоро будет тринадцать, а не за горами и все четырнадцать. Но, к сожалению, его День Рождения не празднуют, потому что тот дождливый день выдался, ни на редкость превратным, потому в этот день всегда вопрошает у родителей – почему, почему я не такой как все, но те в ответ лишь радушно пожимают плечами. Вообще, Эвана в городе мало кто любит, лишь некоторые старшие представители пожилого поколения, не утратившие чувство юмора, понимают его, являются своеобразным малым исключением из всеобщего пессимизма и отчужденности от внешнего не слишком веселого мира. Нередко говорят, что удачливый человек родился в рубашке, он же явно появился на свет в колючем шерстяном свитере тетушки Марты, которые она с всепоглощающим воодушевлением и безмерной радостью дарит всем на Рождество. На каждом свитере она саморучно вышивает кусочек рисунка, некий загадочный пазл. К сожалению, пока что собрали лишь половину того шерстяного витража. И особенно рьяные собиратели пазла боятся скорого ухода старушки в мир иной, на Небеса, на самом интересном месте, на последнем фрагменте. Хотя их опасения необъективны, ведь старушка каждый год обещает удивить своих немногочисленных поклонников чем-нибудь таким разэтаким, и те не прекослова, принимают дары, невнятно благодаря, складывают колючие подарки в набухшие ящики. А когда наступает время визита тетушки, тогда свитера бережно укладывают на полу, показывая тем самым наглядное одобрение её причуд. Ведь старикам так мало надо для счастья, а у нас столько молодых сил, чтобы сделать их чуточку счастливее, даже тогда, когда их подарки больше похожи на расплюснутые кактусы.

Стоит упомянуть, что Эвану в силу его смышленного возраста или вздорного характера, всегда нужно что-то познавать, выведывать, одним словом он – непоседа. И ко всему прочему вдобавок подстрекает других детей на всякого рода игривые шалости. Потому-то в глазах окружающих его персона окрашена в негативный окрас, особенно у того, кому он особенно насолил, поперчил и приправил дело своё мексиканской острейшей горчицей.

Известно, что процесс просыпания, вставания и умывания – самые сложные из утренних обрядов, не говоря ещё и об открытии заспанных глаз. Можно конечно попробовать в слепую проделать те хитрые телодвижения, что мальчик однажды попробовал, однако, стоит напомнить, что опыт прошел крайне неудачно. Было примерно так: Эван благополучно на ощупь, кое-как, добравшись до ванной комнаты, взял зубную щетку в руку, после как полагается начал чистить круговыми движениями зубы. Но тюбик оказался не с чистящим средством, а с нежным маминым кремом для рук, вкус, честно признаться, оказался отвратительным, запах еще ничего, но вот вкус, сравнить можно было только со слизняком... брр, вспоминать и до сих пор неприятно. Всё же, после недолгих воспоминаний, ему пришлось открыть заспанные глазки,

отчего комната медленно прояснилась. Тусклый синеватый свет исходил из окна, однотонно и не ярко рассыпаясь по вздутому одеялу, впрочем, как всегда. Потянувшись так сильно, отчего косточки затрещали, он сел на самый край кровати, заспанно оглядевшись по сторонам. С виду он обычный мальчик, волосы на его голове средней длины, “Не будь как девочка” – каждый раз говорила ему мама, беря в руку ножницы и расческу, и с их помощью с миниатюрной точностью выстригала ненужные, как она полагала космы. “Но разве я виноват в том, что мои волосы растут, значит, они мне для чего-то нужны” – возражал он, смотря на свои белесые волосы, как будто у младенца, хотя он уже давно не мал, хотя по выкрикам родителей, доносившимся после его очередной раскрытой шутилкой выходки, так точно не скажешь. Также у него худощавое телосложение, в этом нет ничего необычного, это характерная особенность жителей города, лишним весом здесь давно уже никто не страдает, все похоже на шнурки, можно предположить, что по причине овощной и консервной диеты столь они худосочны, но это не так, видимо, сама пасмурная атмосфера предполагает излишнюю худобу. В комнате, простите за ошибочку, точнее в “его комнате” не так много вещей, только необходимые. Ранее, вернее год назад, если быть предельно точным, здесь располагались кучи разнообразных игрушек, они были раскиданы по углам, висели на потолке, повсюду и всюду. Игрушки, исключительно созданные своими неумелыми руками, потому что положение в семье таково, что Эван порой бывает обделенным, получает в меру своей значимости. Ныне его небольшая по размерам комната совершенно пуста, куклы отданы сестричкам, а все игры проходят и имеют место лишь на поверхности, там за герметичным окном. Стоит упомянуть, что у него есть две младшие сестренки, одной три годика, другой четыре, похожи так, будто родились в один день, посему разница в их возрасте особо не наблюдается. И зачастую общее внимание родителей обращено непосредственно к той паре милашек, что вполне закономерно.

Итак, продолжим. Вскоре Эван по инерции оделся, заправил постель, дабы не получить выговор, отыскал под кроватью резиновые тапочки, ведь в Персифале вся обувь исключительно резиновая, и удивляться этому факту не стоит. Затем он кое-как умылся, намочил ладонь и пригладил волосы, так чтобы получилась челка на пробор, сойдя тем самым за интеллигентного, воспитанного человека. С таким важным видом он вышел из комнаты, напрямик направившись на кухню. Где семейство в полном составе ожидало оладий и свежего морковного или томатного сока. Папа тем временем пристально читал газету, облепленную прозрачной пленкой, на заголовке которой значилось нечто очень важное, крупным шрифтом было напечатано:

7305 день от начала дождя. С тех пор минуло 20 лет.

Сестрички почему-то всё время зазорно хихикали, насмешливо смотря на Эвана, словно два колокольчика, звонкие и очень надоедливые.

– Доброе утро Эван, ты сегодня, странно, не проспал. Может ты заболел? Дайка потрогаю лобик. – сказала мама.

– Доброе утро всем! День сегодня замечательный, разве можно пропустить всё самое интересное. А как известно всё самое заманчивое происходит, когда этого не ждешь, случается в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время. – радостно проговорил мальчик.

– И что ты сегодня намерен делать, если не секрет, конечно. – поинтересовался отец оторвавшись от беллетристики.

– Это решит “Совет Зонтов”. – причмокнув без запинки огласил Эван.

– Совет...кого? – дружных хором спросило непросвещенное семейство.

Девочки в бледно-розовых платяцах только пуще заулыбались.

– Эх, вряд ли вы поймете. – вздохнул мальчик. – В общем, туда зачислены: Сэм, Мокрый Джеф, Дизи и Анжелика. Куда ж без неё, везде сует свой девчачий нос.

– Когда же вы повзрослеете... – пробубнила матушка, переворачивая очередной блинчик на сковородке.

– А что, и я некогда входил в тайное общество, в закрытый клуб так сказать, во времена учебы в колледже. – задумался вслух папа.

– И мы решили бороться с дождем! – гордо выпалил мальчик.

– Бороться? Да он никогда не окончится, сопротивляться попросту бесполезно. Вчера смыло все северные балки, уровень воды поднимается с устрашающей прогрессией, нам никогда не справиться с этой мокрой стихией. Защитные сооружения строятся каждый год, и каждый год ремонтируются. – на последнем слове отец запальчиво бросил газету на подлокотник кресла не став дочитать статью о тяжелой ситуации с древесиной.

– Не отчаивайся Марк. Мы живы и это главное. – ободряюще сказала мама.

– Понимаю. – согласился тот. – Что ж, мне пора. – поцеловав супругу он произнес. – Пока дети. Вечером увидимся, и не забывайте слушаться маму.

Тяжело отворивши дверь, после чего послышался резкий отклеивающийся звук, папа неслышно вздохнул. И стоя на пороге дома произнес.

– Когда кончится этот злополучный дождь? – спросил он у небес, после чего направился на работу.

Эван, как всегда, с детской непосредственностью и непоследовательностью, недоев, встал из-за стола, обязательно взявши напоследок на всякий непредвиденный случай несколько шоколадных конфет, тем самым крайне обделив сестричек, которые уже давно замыслили скорейшее поедание всей вазы со сладостями. Что ж, не впервой их карамельные планы рушатся, зато займутся другими делами, может быть помогут маме по хозяйству – подумал Эван, косясь на их расстроенные личики. Затем он неспешно начал одевать непроницаемую для влаги куртку, любимую шляпу с полями, с прорезами для стока воды. И это, скажу честно, довольно забавное зрелище. Представьте себе, идет человек в такой шляпе в окружении тонких струек воды льющихся со всех сторон. Интересно выглядит, не так ли? Кто выдумал сей удивительный головной убор никто уже и не вспомнит, но жители городка предпочитали носить именно такие шляпы.

Тут мальчик уже почувствовал свежий запах улицы, как мама его окликнула, на что ему пришлось отозваться и приостановить подготовку к великим экстраординарным свершениям, поставить на паузу тот увлекательный фильм его мечтательных мыслей.

Мама говорила учительским тоном, взывая к потаенной совести сына.

– Не забудь заглянуть к миссис Магнолии и к мистеру Чарку. Сегодня твоя очередь помогать им, ты обязан выполнять любые их прихоти добросовестно, со всем почтением их возраста. Ты меня понял?

Тут она вопросительно воззрившись на сына.

– Но мама, только не сегодня. Совет Зонтов соберется без меня, и что они решат, придумают какую-нибудь глупость, как всегда. – отнекивался Эван в полной мере осознавая заведомое поражение.

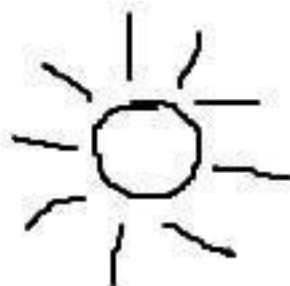
– Ступай и не противься. – огласила мама своё последнее слово.

Разве имеет смысл сопротивляться, вот уж нет, и можно ли выстоять перед строгим взглядом матери, ни секунды. Есть лишь бескомпромиссные обязанности, кои возложены на хрупкие рыцарственные детские плечи. Посему неукоснительный долг всех детей в Персифале заключался в помощи старикам, дети помогали людям неспособным к быстрым движениям, кои столь необходимы в Городе Дождя. Однако среди пожилых людей, выбираться наружу могли лишь единицы, лишь крепкие бывшие спортсмены, которые никак не могут свыкнуться с ветхой данностью своего теперешнего возраста, остальные же мирно ютятся в своих домиках, вспоминая навсегда ушедшее прошлое. Поговорить им не с кем, поделиться тучными фотоальбомами и пыльными воспоминаниями также, посему рассказывают пару, тройку небылиц

или сказок тем маленьким пронырам и “милушкам”, как любят величать сих юных помощников пожилые дамы. Сохранившие знание о своей красоте, хотя и со временем угасшей, они всё же не потеряли с годами чувство собственного достоинства. Зачастую дамы являются вдовами или чаще всего незамужними старыми девами, ибо когда начался дождь, спасая свои жизни, многие перестали мечтать о бракосочетании, никто не стремился обзавестись семьей, однако казалось бы, должны были наоборот сплотиться. Но, к сожалению, горе погружает людей в свои насущные проблемы и личные душевные переживания, редко кто в те минуты вспоминает о ближних своих. И с тех пор забота о престарелых жильцах города взвалена на детскую долю, впрочем, они исполняют то не всегда без ропота. Так молодость помогает старости, и это несколько не странно, ведь по целым дням взрослые заняты нескончаемой работой по продлению жизни города Персифаля.

Тем временем, Эван, наконец-то, полноценно собрался. Надел на ноги резиновые рыбацкие сапоги, положил в карман куртки сдутый маленький надувной круг, перевесил за спину зонт, заостренный на конце, в общем, в скором времени приготовился к труду. Обидно ему, конечно, оттого что он пропустит столь важное совещание по спасению мира. Все же мир никуда не денется – столь мысленно самоуверенно заметил он и поверил в этот неопровержимый факт.

Напоследок попрощался с родными, и, как заведено, сотворил один добрый жест. Окна в доме всегда запотелые, поэтому рисовать на них очень удобно. Таким образом, подбежав к стеклу, своим пальцем он начертал быстрый рисунок, мгновенно порадовавший сестричек, даже мама чуть улыбнулась скромными уголками рта. Простой символ того, чего уже давно никто в городе не видел, а некоторые и вовсе видали лишь на картинках, многие позабыли о том, как оно выглядит. Вот так:

В приподнятом настроении мальчик покинул дом, плотно закрыв за собою дверь, дабы вода ненароком не просочилась через щели. Множество случаев затопления происходило, из-за простой забывчивости. Некоторые жильцы ближайших домов даже просыпались лежа на кровати, плавающей на воде подобно лодке, в метре от пола, что было достаточно опасно, ведь утонуть во сне легче легкого.

Вообще и в частности, по правде говоря, в Городе Дождя не так уж и благополучно живётся, все эти нескончаемые угрозы затопления, постоянные грозы и бури, что только не претерпевают жители. Но сегодня на удивление погода была спокойна. Эван устремил свой взгляд вверх, и увидел, как стеклянные крыши туннелями ведут от одного дома к другому. Затем посмотрел вниз, здесь можно не намкнув безопасно ходить по своеобразным мостам на довольно внушительном расстоянии от уровня земли, а точнее моря. За всю свою историю, неоднократно Персифаль поднимали практически со дна, и выстраивали очередной этаж. Верхние стеклянные крыши города полностью прозрачны, чрез них безупречно видятся бьющие капли бесконечного дождя, кажется, они вот-вот разобьют стекло, но крыши, обладая крепостью, не поддаются угрозам дождевого натиска. Если здесь вы посмотрите на небо, то вы не увидите облаков, столь нам привычное зрелище, лишь стену дождя мы различим и

более ничего. Солнце давным-давно скрылось и где-то вдали всё также греет, но застенчиво не показывается. Здешнее небо походит на опечаленного человека, который горько плачет, он по-прежнему живой и сострадательный, однако желает скрыться от глаз людских, не хочет показать свою слабость. И естественно по обеим сторонам крыш прикреплены стоки, по коим ручьями постоянно и непринужденно льется вода, тем самым электричество воспроизводится повсеместно и регулярно, освещая многочисленные домики. Ибо задолго до рождения Эвана, поблизости архитекторы соорудили огромную мельницу нового образца.

Я понимаю, что вы прибываете в нетерпении, хотите узнать, куда же направится мальчик, так ли беспутен его нрав, или то лишь слухи. Но прежде, покуда он неторопливо ступает по скользким мосткам, позвольте поведать вам одну интереснейшую историю.

Итак. В начале, так такового города не было, а вместо него, на этом самом месте располагалась вовсе не маленькая деревушка, потому в Персифале все дома сооружены исключительно из дерева, и весьма удачно, ведь поднимать в воздух тяжелые каменные сооружения стало бы невозможным делом.

Смотрите-ка, за это время Эван уже преодолел половину пути, потому будем куда поспешней просматривать эпизоды из далекого прошлого. И только затем последуем за мальчиком, который весело шагает к миссис Магнолии насвистывая мелодию, услышанную им от Мокрого Джефа. Давайте-ка вернемся в те роковые дни.

Итак, в один прекрасный день, светило солнце, по синему небу паслись воздушные белоснежные овечки и другие парящие животные, это смотря как представить, может кому-то больше нравятся черепахи, в общем, в мгновение ока небо нахмурилось и приобрело серый оттенок лица мистера Чарка, после чего закрапал мелкий дождик. Дети выбегали на улицу, начинали прыгать по лужам. Они сооружали кораблики, зачастую, то были всего лишь пластмассовые пробки, внутрь которых приклеивали пенопласт, и они неслись вдоль малых рек, даря тем самым детям веселье и игровое настроение, ведь так интересно узнать, чья пробка первой достигнет финиша. Дети радовались тому стихийному порыву. Но через некоторое время, минул день, два, неделя, а дождь не прекращался, влага не успевала испаряться и уходить в землю. Мало кто из взрослых придавал этому обстоятельству особое значение. Тропический ливень – ну и что? Те, кто сомневался, вскоре воочию осознали неминуемые проблемы, когда их дома просто-напросто поплыли, соскальзывая с фундаментов, чуть покачивались из стороны в сторону. Именно тогда-то люди не на шутку обеспокоились, нужно было что-то делать. На общем собрании в плавучем доме культуры решили перестроить деревушку, на случай, если дождь в ближайшие несколько дней не прекратится. Некоторые самоуверенные смутьяны ещё надеялись на прекращение стихии, но заградительные меры предприняли незамедлительно. Плотники основательно занялись перестройкой домов. После чего их руками был сооружен целый город. Они строили навесы и мосты, рубили деревья и складировали древесину в специальные хранилища, потому что вода вскоре поглотила деревья вместе с их верхушками. Блуждает в народе одна шутка, будто накануне празднования Нового года, смельчаки нарядили торчащий из водной глади кончик ели, наутро коего и след простыл. Персифаль в нынешнем его виде явно смахивает на затонувшую Венецию, но тогда он был похож на эльфийский город. А что было дальше вы и так знаете. Ныне горожане живут под непрекращающимся дождем. Ученые твердят, что это всего-навсего стихия, каприз природы. Священники говорят, что это всё ради поучения людей, такова воля Божья. Однако как бы люди не спорили, влага по-прежнему ниспадает с усталых небес, затопляя всё внизу. Посему вскоре прибывая в постоянном страхе отчаяния, взрослые сдались в плен унынию. Взрослые постоянно печалются и произносят слова ропота каждый прожитый день. Только невинные дети не разучились радоваться и улыбаться по всяким мелочам.

Многие горожане настолько возненавидели воду, отчего их дети начали рождаться без слез, с тех пор никто из новорожденных и повзрослевших детей не плакал. И вот однажды

появился на свет мальчик не такой как все, ибо он заплакал в ту ночь, обрекши себя на вечное недовольство соседей, в их глазах он уже тогда казался непослушным бунтарем. Он родился в угрюмом мире, в мире из которого еще никто не смог выбраться. Ибо куда-либо плыть бесполезно, каждое плавательное средство немедленно наполняется водой, набухает и ломается. Он родился для того чтобы совершить нечто великое, видимо потому, порою, помышляет о том. В детстве мы не движемся к закономерным целям, лишь живем, нисколько не задумываясь, сколь запутанно устроена наша судьба.

С тех давних пор мало что изменилось, горожане также угрюмы и безрадостны, погрязли в суетной угнетенности. С каждым годом теряют надежду обрести избавление от непогоды.

Эван, будучи ребенком, как любил говорить старый священник – “кто подобен дитю, тот окажется в Раю”, родившись в данных суровых условиях, свyksя с ними, гораздо быстрее, нежели многие взрослые.

Первой в его списке помощи значилась старушка Магнолия, прославленная королева конфет, не удивляйтесь, а как иначе можно объяснить те запасы сладостей, коими она обладает, еще вдобавок она немного глуповата или же особо умна, никто толком не знает. Но одно ясно со всей ясностью, она всегда подходит близко-близко к наивному гостю и кричит во всё горло, таким оркестровым образом, из нее всегда вырывалась речь, причем не бранная, а очень даже культурная. В те моменты, её, безусловно, слышно, да еще как слышно, вот только, зачем так кричать, никому не понятно. Может она думает, что все вокруг глухие? Что, правда, то, правда, у многих взрослых притупились чувства, они не видят прекрасного, не слышат песнь небес и не осязают тепло душ человеческих. А так на второй взгляд старушка вполне добра и всегда не забывает угостить гостя чем-нибудь вкусненьким, не считая некоторых странностей, коими обладают все дожившие до старости. Как всякая дама, года свои она не признает и всячески отрицает, скрывает точные цифры, но по числу рассказанных ею историй, невольно напрашивается вывод, что ей достаточно много лет. Помимо прочего известно, что старушка известная заядлая барахольщица. Зная о том, строители неминуемо дивятся сему, ища причину, почему её дом под тяжестью вещей не рухнул. Одним словом, сплошные загадки. Дом располагался неподалеку, потому и прогулка под навесными дорожками оказалась не так продолжительна, как хотелось бы мальчику.

Капли резво стекают по крышам, пытаюсь пробить брешь в стекле, какой привычный для Эвана звук, в раннем детстве звучал для него вместо колыбельной. И вот уже показался розоватый домик, чуть покосившись, он стоял за следующим поворотом. Подойдя ближе, вытерев сапоги об изрядно промокший коврик, Эван вплотную приблизился к входной двери, дернул за ниточку, затем зазвенел колокольчик неуместно крупных размеров, и вскоре послышались скрипы половиц, означающие скорое появление хозяйки. Дверь глухо отворилась. Показалась старушка с пышными седыми волосами, и это единственная отличительная черта её внешнего вида, ведь другие старушки, как правило, красят волосы в кислотные цвета, избавляясь тем самым от ненавистной седины.

Она прищурилась, дабы лучше разглядеть незваного гостя, затем в своей непревзойденной манере прокричала.

– Где мои белые тыквы?

– Что? – недоумевая немного отшатнувшись, спросил Эван.

– Ах это ты мой мальчик, а я вот ненароком приняла тебя за почтальона. – проговорила миссис Магнолия.

– Белые тыквы, разве такие существуют? Не подумайте, что я обвиняю вас, нет, просто интересно.

– Входи, и не забудь вытереть ноги. О, это долгая история. – сказала старушка впуская мальчика в свой дом, вплотную захлопывая за ним дверь.

Как описывалось ранее, дом старушки оказался роскошным во всех отношениях, даже приятным на вид, особенно воодушевлял веявший аромат всякого рода вкусовностей, который плавно подкрадывался к носу мальчика, затем переходил в легкие и рассасывался ванилью по телу, насыщая и успокаивая. Лишь раз, побывав в сей обители сластен, уйдешь отсюда сытым и довольным, даже не отъедав и крошки. Здесь сладостей полные погреба. Жаль, что уже подташнивает от лимонных леденцов, коими не брезгуют все старики, ведь у них ставные челюсти, отчего шоколадные и тянущиеся конфеты пристают к их зубам, потому стекляшки больше им по вкусу, которые, кстати, могут жить в воде, не портясь, однако иногда взрываются, если с шипучкой внутри. Жаль на весь город только старушка Магнолия, имеет имя как у цветка и балуется детскими забавами всевозможных видов, что очень кстати, самое настоящее везение для маленьких попрошайек с умиленно вопрошающими глазками. Эван в свою очередь выработал некий план, по которому легко можно выпросить пару “сосачек” практически ничего не делая. Способ очень прост.

– Снова ты улыбаешься, как миленько. – сказала старушка растянуто и протянула морщинистую руку с тремя конфетами.

– Красная, желтая, и оранжевая – самая вкусная. Спасибо. – поблагодарил Эван.

Улыбки в городе стали подобны ветхим артефактам, или гениальным талантам, самой настоящей редкостью, если быть точнее, потому то и одинокая старушка умилилась и вспомнила былые времена, когда люди еще не позабыли, что значит радушно улыбаться.

– Меня прислали помочь вам, но насколько я вижу, со всем вы справляетесь сами, значит...я...пойду. – отнекивался мальчик убрав руки в карманы куртки.

– Погоди-ка, а как же мои белые тыквы. – начала возражать старушка.

– Это долгая история. – передразнил её Эван. – Как я могу принести то, не зная чего? Может это овощи привидения, тогда проблематично будет поймать их, призраки я слышал, бестелесны.

– Помнится у меня одна упала на пол и разбилась на куски, долго убирала осколки потом, что означает их осязаемость, раз пачкают ковер. – проговорила старушка.

– С сим утверждением, насущным аргументом не поспоришь. – серьезно вымолвил Эван.

– Какой же праздник без угощений. Какой же праздник без гирлянд, кто, по-твоему, будет отпугивать всякую нечисть.

– Они скорее привлекут любопытные паучьи глазки, ведь такого зрелища ещё никто не видел. – насмешливо сказал Эван. – Надо подумать... Ага, первая зацепка есть, может, вы выращиваете овощи альбиносы? Так, показывайте где у вас теплица. – старушка в ответ лишь вздохнула. – Что? Нет! Тогда их попросту ради шутки покрасили белой краской, а вы поверили и до сих пор считаете, что они на самом деле существуют, эти ваши крашенные белые тыквы.

– Тогда бы я учуяла дурной запах краски. – старушка в очередной раз вдребезги разбила все предположения мальчика.

– За что вы мучаете меня, миссис Магнолия. – не выдержал Эван. – Это полная бессмыслица.

– Что ж, подумай, поразмышляй, времени у тебя много.

– Смилуйтесь, распишитесь и отпустите меня. – округлил жалобно глазки мальчик.

Всем детям выдавали листки, предназначенные для подписи, после свершения успешной помощи старики на них расписывались.

– Вот сейчас попьем чаю и придумаем что-нибудь. – не без умысла произнесла старушка.

Эван прекрасно знал, что именно означает старушечье “попьем чаю”. Миссис Магнолия таким коварным наивным способом ухаживала и приготавливала свою жертву к главному своему удовольствию, ведь далее должны были последовать длинные, очень длинные истории из жизни старушки. Более скучного и бессмысленного времяпровождения не придумать и во сне, даже Анжелике. Мальчик несколько раз попадался в те коварные сети, в той паутине прошлого,

ощущал себя словно в коконе, в котором с места сдвинуться нельзя. Конечно, есть возможность подделать подпись, только вот незадача, дети в Персифале не знакомы с каллиграфией. Во-первых, неудобство положения ухудшается самой миссис Магнолией, которая кричит, во-вторых, забывает нить повествования и начинает рассказ с самого начала, отчего слушатель зевает во всю ширину своего рта. В общем, проблему нужно было решать незамедлительно.

Старушка разлила по кружкам душистый чай старого образца, причмокнув, принесла вазу с конфетами. “И почему только дети так сильно мечтают о шоколаде, а приобрести его не могут, старики же, у которых и зубов то нет, вдоволь уплетают деснами всяческие вкусности; нужно будет выяснить” – подумал Эван. Также она присела в кресло-качалку напротив Эвана, готовясь к восстановлению короткой памяти. Мальчик серьезно задумался вслух.

– Что бы предпринял на моем месте опытный сыщик?

– Какая пуся, словно маленький Шерлок Холмс. – иронично заметила миссис Магнолия.

От уменьшительно-ласкательного прозвища “пуся” явно имеющее последнее место в лексиконе годовалых детей, Эван поморщился, но вытерпел умиленное унижение.

– Нужно искать улики, следы, отпечатки пальцев, или капли крови, если конечно ваши тыквы были якобы раздавлены, что не исключает строгий анализ происшествия. Или это обыденное похищение, с целью выкупа. Тогда, ждите, скоро вам принесут телеграмму с баснословной суммой залога, и уверяю вас, одними конфетами вы не отделаетесь. – сделал сосредоточенное лицо мальчик.

– Откуда, скажи на милость, такая осведомленность? Странно это всё, тебе так не кажется?

– Нет, это исключено. – отрезал он. – Тогда я бы уже начал набивать свои щеки сладостями, имея у себя предмет вашей слабости. Но как сами видите, я покоюсь в строжайшем замешательстве. Куда они могли деться, эти так называемые белые тыквы? Запутанное дело выходит. – Эван побагровел от мыслительного процесса. – Итак. Для начала предлагаю осмотреть комнату. Вы согласны?

– Никак нет, мистер детектив. – игриво театрално запротестовала бабушка.

Мальчику нужно было только встать, взглянуть на сервант, затем плюхнуться обратно в кресло, съесть самую большую конфету в честь победы, и широко улыбнуться.

– Миссис Магнолия, смею высказать свое мнение. Именно вы, да-да, именно вы виновны в столь двусмысленном происшествии. По неосмотрительности вы не заметили, что ваши белые тыквы мирно покоятся в том стеклянном шкафу. Ваши тыквы на самом деле фарфоровые, потому белые, и предназначены для сохранности сахара или соли, в общем, для чего-то съестного.

Старушка обрадовалась, словно малое дитя.

– И вправду, это они, мои салатницы. Вот скоро поставлю их на стол, но прежде испеку тыквенный пирог.

– Эх. – простонал Эван. – А я думал, будет трудней. Но раз задание выполнено, то я, наверное, пойду.

– А как же награда? – остановила его миссис Магнолия.

– Вот распишитесь. – выбрал он себе поощрение в виде долгожданной свободы.

И вправду затея оказалась гораздо проще, чем он совсем недавно предполагал. В душе своей, безусловно, во время проведения следствия представлял самые обычные тыквы, но почему-то белые, впоследствии оказавшиеся простой посудой. Вот так бывает, когда не понимаешь человека, его особенность, его странность.

Набив карманы сладостями, с леденцом за впалой щекой, Эван выбежал на улицу, махнув бабушке на прощание небрежно рукой. Миссис Магнолия ему вдогонку лишь посетовала на свою всегдашнюю забывчивость. Увы, потери предметов обихода будут продолжаться и впредь, но хорошо, что в Персифале завелась интеллектуально выдрессированная ищейка, способная

одним мгновенным взглядом найти любую пропажу. Совсем недурно, для новичка, не правда ли? Впрочем, закорючка старушки выведена на бумаге, значит, в списке остается только мистер Чарк, сложная, даже можно сказать невыносимая личность с манией преследования и патологической нелюбовью к детям. Последнее изрядно отличает его от других стариков.

Навстречу Эвану громко маршировал низкорослый Сэм, в такой же дождезащитной одежде, только без шляпы, как всегда сопя и шмыгая носом, однако, стоит заметить, находясь в кругу знакомых, он себе такого никогда не позволяет. Раньше тот мальчик всячески стремился занять главенствующее место в Совете Зонтов, постоянно унижая Эвана, подставлял ему подножки, всегда спорил и вёл себя крайне некультурно, но бесхитростно. К счастью, однажды Сэм влюбился в девочку Анжелику и тут же растерял всю свою гадливую хватку, размяк словно слюняй, начал пучить глазки и пускать розовые пузыри, стараясь обоими очами подмигнуть девочке как можно романтичнее. В общем, в скором времени стал заложником сердечных дел, тем самым перестал досаждать Эвану. А в отсутствие девочки выглядит весьма жалостливо. Конечно, если когда-нибудь его чувства станут взаимны, то Сэм немедля возгордится пуще прежнего и будет наступать на пятки законному лидеру Совета Зонтов, а пока, толку от него как от зубной щетки при мытье горы нечищенной посуды.

– Дайка догадаюсь, спешешь на Совет разузнать последние новости? – поинтересовался Эван.

– И тебе привет. Куда ещё, как не туда, вот возникла парочка идей. – осклабился Сэм.

– Думаешь, они кому-нибудь придутся по вкусу. – засомневался Эван и углубился в воспоминание. – Помню, как ты придумал опустить малыша Дизи по веревке вниз, дабы разузнать каков нынче уровень воды. Его глаза были точно такие же, как твои когда на тебя налетела Анжелика с требованием разъяснения твоего дурного поступка, спрашивала – почему ты такой, мягко говоря, кхе-кхе, “неумный”. Малыш Дизи теперь содрогается от любого поднятия, или когда его обнимают, ведь та веревка его чуть было не задушила. Надеюсь, теперь ты понимаешь, насколько это было глупо с твоей стороны замышлять такое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.